

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

(направленность (профиль) / специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)**

на тему «Домашний арест: основания и порядок применения»

Обучающийся

Д.В. Цыганков

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

д-р юрид. наук, профессор, А.М. Моисеев

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2023

Аннотация

Современный институт домашнего ареста не лишен изъянов – начиная с отсутствия законодательной дефиниции, заканчивая этапом контроля за его надлежащим исполнением. Отдельным вопросам государственного принуждения, уголовно-процессуального принуждения и домашнего ареста как меры пресечения посвятили свои работы видные представители Института права ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»: директор Института права С.И. Вершинина; сотрудники кафедры «Уголовное право и процесс» Ю.О. Мещерякова, Т.В. Мычак и А.Р. Тахаутдинова.

Объект дипломной работы составили общественные отношения, возникающие при избрании и исполнении домашнего ареста в качестве меры пресечения. Предмет дипломной работы формируют научные исследования, материалы судебной практики и нормы права, посвященные регламентации института домашнего ареста.

Цель дипломной работы заключается в комплексном анализе института домашнего ареста в действующей системе мер пресечения.

Задачами дипломной работы являются:

- выявить правовую природу и значение мер уголовно-процессуального принуждения;
- установить правовую природу и место домашнего ареста в системе мер пресечения;
- определить пути решения проблем применения домашнего ареста в качестве меры пресечения.

В эмпирическую базу дипломной работы вошли решения судов общей юрисдикции, определения Конституционного Суда РФ, акты Пленума Верховного Суда РФ.

Структура дипломной работы: введение, три главы, семь параграфов, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Правовая природа и значение мер уголовно-процессуального принуждения	7
1.1 Природа мер уголовно-процессуального принуждения	7
1.2 Генезис развития системы мер уголовно-процессуального принуждения	14
1.3 Меры пресечения в системе мер процессуального принуждения ..	19
Глава 2 Домашний арест как мера пресечения.....	28
2.1 Домашний арест: понятие и место в системе мер пресечения	28
2.2 Основания избрания домашнего ареста как меры пресечения и условия, учитываемые при избрании.....	33
2.3 Процессуальный порядок избрания и продления домашнего ареста	40
2.4 Характер и объём ограничений и запретов, назначаемых при применении домашнего ареста.....	44
Глава 3 Проблемы применения домашнего ареста в качестве меры пресечения и пути их решения.....	51
Заключение	59
Список используемой литературы и используемых источников	63

Введение

Актуальность дипломной работы. Востребованность и практическую эффективность мер уголовно-процессуального принуждения сложно оценить: они побуждают выполнять задачи уголовного судопроизводства надлежащим образом; служат мерами принуждения, гарантирующими надлежащее исполнение процессуальных обязанностей участников уголовного судопроизводства в превентивном либо пресекательном порядке, а также посредством применения мер ответственности. Следственные действия, выступающие средством познания объективной истины по уголовному делу, нуждаются в обеспечении, в специальных мерах, применение которых поможет преодолеть противодействие недобросовестного участника и побудить его к выполнению своих процессуальных обязанностей. Эту функцию выполняют меры уголовно-процессуального принуждения.

По УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ систему мер уголовно-процессуального принуждения составляют задержание подозреваемого (гл. 12 УПК РФ), меры пресечения (гл. 13 УПК РФ), иные меры процессуального принуждения (гл. 14 УПК РФ). В системе мер пресечения особое внимание уделяется наиболее суровым мерам превентивного воздействия – домашнему аресту и заключению под стражу.

Современный институт домашнего ареста не лишен изъянов – начиная с отсутствия законодательной дефиниции, заканчивая этапом контроля за его надлежащим исполнением. Отдельным вопросам государственного принуждения, уголовно-процессуального принуждения и домашнего ареста как меры пресечения посвятили свои работы видные представители Института права ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»: директор Института права С.И. Вершинина; сотрудники кафедры «Уголовное право и процесс» Ю.О. Мещерякова, Т.В. Мычак и А.Р. Тахаутдинова.

Степень научной разработанности темы дипломной работы. Домашний арест в качестве меры пресечения анализировался в монографических и

диссертационных работах следующих авторов: С.И. Вершинина, Е.Г. Васильева, В.М. Корнуков, А.П. Кругликов, И.Л. Петрухин, Е.В. Салтыков, В.А. Светочев, С.А. Шейфер.

Отдельные вопросы избрания и исполнения домашнего ареста как меры пресечения исследовались в работах следующих авторов: В.А. Азаров, А.С. Барабаш, Г.А. Бурмакин, С.И. Вершинина, Е.В. Вологина, Е.Г. Васильева, М.В. Воробьев, К.И. Голубцова, К.И. Давлетшина, А.Ш. Габараев, Е.В. Ермасов, А.С. Замараева, В.М. Корнуков, А.С. Кутянина, А.Ф. Кистяковский, А.П. Кругликов, С.М. Колотушкин, С.А. Кузнецов, Ю.О. Мещерякова, Т.В. Мычак, Л.С. Медяникова, В.А. Мишкин, А.В. Орлов, С.И. Ожегов, И.Л. Петрухин, Е.Г. Переславцева, А.М. Советов, В.В. Смирнов, Е.В. Салтыков, В.А. Светочев, А.Р. Тахаутдинова, И.З. Федоров, С.А. Шейфер, С.А. Яковлева.

Объект дипломной работы составили общественные отношения, возникающие при избрании и исполнении домашнего ареста в качестве меры пресечения.

Предмет дипломной работы формируют научные исследования, материалы судебной практики и нормы права, посвященные регламентации института домашнего ареста.

Цель дипломной работы заключается в комплексном анализе института домашнего ареста в действующей системе мер пресечения.

Задачами дипломной работы являются:

- выявить правовую природу и значение мер уголовно-процессуального принуждения;
- установить правовую природу и место домашнего ареста в системе мер пресечения;
- определить пути решения проблем применения домашнего ареста в качестве меры пресечения.

Нормативную базу дипломной работы формируют положения Конституции РФ от 12.12.1993 г., Кодекса Российской Федерации об

административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ, Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ, Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, Федерального закона от 18.12.2001 № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», Приказа Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020.

В эмпирическую базу дипломной работы вошли решения судов общей юрисдикции, определения Конституционного Суда РФ, акты Пленума Верховного Суда РФ.

Структура дипломной работы: введение, три главы, семь параграфов, заключение, список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Правовая природа и значение мер уголовно-процессуального принуждения

1.1 Природа мер уголовно-процессуального принуждения

«Ведь большинство, скорее, послушны принуждению, нежели рассуждению, а взысканию – скорее, нежели прекрасному. Недаром некоторые уверены, что законодателям следует призывать и понуждать к добродетели во имя прекрасного, [понимая при этом], что прислушаются те, кто благодаря привычке уже продвинул в сторону добра, а на непослушных и людей сравнительно худой природы налагать наказания и возмездия, неисправимых же вообще изгонять вон из государства, ибо добрый человек, соотносящий свою жизнь с нравственной красотой, будет повиноваться суждению, а дурной в стремлении к удовольствию обуздывается страданием, словно скот ярмом» - Никомахова этика по Аристотелю [1, с. 283-284].

Социально позитивной реакцией на всякие нарушения добродетелей являются меры принудительного воздействия, исходящие от государственно-властных членов общества.

Основным условием применения мер пресечения является привлечение лица к уголовной ответственности. Понятие и смысл уголовной ответственности в российской юридической литературе определяются неоднозначно, что приводит к разным точкам зрения на ряд вопросов, например, на определение момента начала и конца реализации уголовной ответственности. Однако точно установлено, что основа для уголовной ответственности наступает с момента совершения преступления и реализуется только в случае установления виновности лица судом. Это утверждение соответствует статье 11 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, где определено, что каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право на невиновность до тех пор, пока его виновность не будет

установлена законным путем - через открытое судебное разбирательство, при котором ему предоставляются все возможности для защиты.

Для подтверждения вышесказанного можно сослаться на положения статьи 49 Конституции Российской Федерации, согласно которой «каждый, обвиняемый в совершении преступления, считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в соответствии с федеральным законом и установлена приговором, вступившим в законную силу».

Согласно части первой статьи 5 Уголовного кодекса Российской Федерации, уголовной ответственности подлежат только те действия (или бездействие), которые являются общественно опасными и имеют общественно опасные последствия, в отношении которых установлена вина лица. Никто не может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию, если это не было установлено приговором суда и не соответствует порядку, установленному частью 2 статьи 8 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ). Здесь уголовное наказание понимается как уголовная ответственность, поскольку даже если суд признает вину лица в совершении преступления, Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает возможность освобождения его от уголовной ответственности, что отражено в статьях 75, 76 и 78 УК РФ.

Например, согласно пункту 55 статьи 5 УПК РФ, уголовное преследование является процессуальной деятельностью, направленной на изобличение подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, и осуществляемая стороной обвинения.

При рассмотрении вопроса о месте уголовной ответственности в системе уголовного права, необходимо еще раз подчеркнуть, что целью уголовной ответственности является восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, достижение частного и общего предотвращения преступления. Однако уголовная ответственность, в первую очередь, призывается решать задачи уголовного законодательства, определенные в статье 2 УК РФ, такие как охрана прав и свобод человека и

гражданина, собственности, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предотвращение преступлений.

Следовательно, уголовная ответственность наступает при условии, которые описаны в УК РФ, а ее привлечение осуществляется путем соблюдения процедур, закрепленных в УПК РФ, а непосредственно меры пресечения выступают вспомогательными средствами для достижения целей уголовной ответственности.

Недаром в тексте Конституции РФ провозглашено правило, в соответствии с которым права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) [12].

УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ посвящает вопросу ограничения прав и свобод человека и гражданина раздел IV, именуемый «Меры процессуального принуждения», которым предусматривает:

- гл. 12 «Задержание подозреваемого», где определяются основания и порядок задержания лица по подозрению в совершении преступления;
- гл. 13 «Меры пресечения», где содержится исчерпывающий перечень мер воздействия, избираемых в отношении лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, а также конкретизируются вопросы их применения;
- гл. 14 «Иные меры процессуального принуждения», назначаемые как в отношении подозреваемых, обвиняемых (обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество), так иных участников уголовного судопроизводства

(потерпевшего, свидетеля, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика, понятого) [64].

Директор Института права ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» С.И. Вершинина сформулировала точное определение уголовно-процессуальному принуждению – «... предстаёт в виде системной совокупности норм уголовно-процессуального права, определяющих меры принуждения, условия и порядок их применения. Указанные нормы предлагается именовать нормами процессуального принуждения. Доказано, что такие нормы, как и другие нормы уголовно-процессуального права, являются логико-юридическими конструкциями, структурно состоящими из взаимосвязанных, согласованных между собой элементов (гипотез, диспозиций и санкций), содержащих правовые (законодательные) предписания, устанавливающие вид, объём, характер, условия и порядок применения государственного принудительного воздействия к участникам уголовного судопроизводства» [5, с. 172].

Уголовно-процессуальное принуждение признается одним из ценных институтов уголовно-процессуального права, поскольку им выстраивается тот вариант поведения, который считается надлежащим для уголовного процесса. Об этом свойстве в своих работах указывают Л.С. Медяникова [20, с. 660], В.А. Мишкин [21, с. 50] и Е.В. Вологина [6, с. 40].

Значение института мер уголовно-процессуального принуждения анализируется в работах видных юристов России, в числе которых:

- В.М. Корнуков, констатирующий, что такие меры «призваны обеспечить нормальное осуществление уголовно-процессуальной деятельности, надлежащее выполнение задач уголовного судопроизводства» [14, с. 19]. В изложенном аспекте меры уголовно-процессуального принуждения ориентированы на защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от

незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ);

- Д.А. Саблин рассуждает о мерах уголовно-процессуального принуждения через следующую призму – «пользование правами сопряжено с ответственностью человека» [58, с. 18]. В этом контексте речь идёт о том, что пользование субъективными правами одним лицом не должно приводить к негативным последствиям для другого лица. А это означает, что принуждение уместно только тогда, когда заканчиваются права и начинаются обязанности субъекта – примером тому послужит обязанность свидетеля являться по вызову следователя, дознавателя или в суд;
- С.А. Шейфер справедливо отмечает, что «следственное действие, будучи средством обеспечения конечных целей процесса, само нуждается в обеспечении, в специальных мерах, применение которых поможет преодолеть противодействие недобросовестного участника и побудить его к выполнению своих обязанностей» [68, с. 179];
- С.И. Вершинина рассуждает, что «... если на участников уголовного судопроизводства возлагаются процессуальные обязанности, то одновременно должны быть предусмотрены меры принуждения, гарантирующие их надлежащее исполнение в превентивном либо пресекательном порядке, а также посредством применения мер ответственности. Следовательно, присутствие мер принуждения в УПК РФ свидетельствует о наличии в правовом статусе участников уголовного судопроизводства обеспечиваемых ими процессуальных обязанностей» [4, с. 92] [2].

Упущение в тексте УПК РФ юридической природы уголовно-процессуального принуждения приводит к существованию научных гипотез о применении такого принуждения для обеспечения прав принуждаемого, к

примеру, при обязательности участия защитника (ст. 51 УПК РФ) [26, с. 70], либо обязательном назначении судебных экспертиз (ст. 196 УПК РФ) [7, с. 7].

Правовую природу мер уголовно-процессуального принуждения формируют её особенности, в числе которых:

Во-первых, возможность применения этих мер лишь в рамках возбужденного уголовного дела.

Исключением из общего правила является задержание лица по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований: когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление; когда на этом лице или его одежде, при нём или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления (ст. 91 УПК РФ).

Вследствие этого, задержание лица по подозрению в совершении преступления допускается как в рамках возбужденного уголовного дела, так и предваряет такое процессуальное решение, чему свидетельствует накопившаяся судебная практика: например, постановление Ярославского областного суда от 03 марта 2022 г. по делу № 3/2-15/2022 [47]; приговор Ярославского областного суда от 25 мая 2022 г. по делу № 2-9/2022 [48].

Во-вторых, УПК РФ регламентирует процедуру применения каждой меры уголовно-процессуального принуждения.

Например, процессуальное законодательство предусматривает возможность применения такой меры принуждения, как привод. Её суть заключается в том, что в случае неявки какого-либо участника процесса к следователю, дознавателю или в суд (если был вызов или повестка) по неизвестным причинам, то они подвергаются принудительному доставлению. Уголовно-процессуальный закон регламентирует определенный порядок применения указанной меры в соответствии со ст. 113 УПК РФ.

Также, по поводу применения привода на стадиях судебного разбирательства, Конституционный суд РФ констатирует, что это право остается исключительно за судом [24].

В-третьих, меры уголовно-процессуального принуждения носят временный характер.

Так, к примеру, домашний арест, избираемый в качестве меры пресечения, назначается на срок до двух месяцев, что соответствует общему сроку предварительного следствия.

УПК РФ допускает возможность, при которой предварительное следствие может выйти за общие временные рамки, в силу чего разрешает продление домашнего ареста на более длительные сроки (ч. 2 ст. 107 УПК РФ).

В-четвёртых, наиболее суровые меры уголовно-процессуального принуждения избираются лишь при наличии судебного решения.

Так, меры пресечения, затрагивающие конституционные права и свободы человека и гражданина, назначаются исключительно по судебному решению: залог (ч. 2 ст. 106 УПК РФ); домашний арест (ч. 1 ст. 107 УПК РФ); заключение под стражу (ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

В-пятых, меры уголовно-процессуального принуждения применяются без учёта воли лиц, в отношении которых они избираются.

В таком качестве они выступают закономерной реакцией на несоблюдение участниками уголовного процесса положений УПК РФ, в частности, касающихся их процессуальных обязанностей.

Таким образом, природа мер уголовно-процессуального принуждения выражается через призму обязанностей участника уголовного процесса, а именно через обеспечительные меры соблюдения и исполнения указанных обязанностей. Они исполняют роль гаранта соблюдения всех правил уголовного процесса. Их реализация строго регламентирована в уголовно-процессуальном законодательстве.

1.2 Генезис развития системы мер уголовно-процессуального принуждения

Прототипы мер уголовно-процессуального принуждения в исторической ретроспективе несколько размыты, однако на Руси XIII-XIV вв. в качестве меры принуждения предусматривалось поручительство, которое возлагалось на общину, а после на авторитетных людей.

Судебниками 1497-1555 гг. также устанавливалось поручительство в качестве меры принуждения. Поручители были ответственны за надлежащую явку обвиняемого в судебный орган. Поручительство назначалось на основании письменного прошения, а не по инициативе государственных органов [11, с. 168].

Соборным уложением 1649 г. вводится тюремное заключение, назначаемое губными старостами, а позднее – воеводами. В период действия данного судебного срока заключения под стражей были длительные либо без указания срока [15, с. 79].

Во времена правления Петра I отменяется мера принуждения, именуемая «отдача за пристава». Главной мерой уголовно-процессуального принуждения выступало заключение под стражу.

При Екатерине II в тексте Устава благочиния 1782 г. закрепляется примерный перечень оснований, признаваемых достаточными для заключения человека под стражу. Этот перечень с незначительными изменениями был включен в Устав уголовного судопроизводства 1864 г.

Свод законов 1832 г. закреплял содержание в тюрьме и полиции, домашний арест, полицейский надзор и отдачу на поруки в качестве мер пресечения [59, с. 87].

Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. классифицирована система наказаний и мер уголовно-процессуального принуждения. Однако, в данном правовом документе имелись недочёты,

которые впоследствии повлекли к необоснованно широкой практике применения заключения под стражу.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. обособил судебную ветвь власти от исполнительной. «В соответствии с УУС за полицией осталось право применять лишь одну меру пресечения – задержание, которое дожило до наших дней в виде перечня оснований для задержания подозреваемого (ст. 91 и 92 УПК РФ).

Система мер пресечения пополнилась двумя новыми мерами – отобранием вида на жительство и залогом» [67, с. 116].

Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. в качестве мер превентивного и пресекающего характера, применяемых в отношении обвиняемого, назывались:

- «отобрание вида на жительство или обязательство их подпиской о явке к следствию и неотлучке с места жительства;
- отдача под особый надзор полиции;
- отдача на поруки;
- взятие залога;
- домашний арест;
- взятие под стражу» (ст. 896 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.).

В качестве меры уголовно-процессуального принуждения, избираемой в отношении иных участников уголовного судопроизводства и стороны защиты, назывался привод. Привод применялся в отношении призываемых, не явившихся в срок и не представивших удостоверения о законных причинах неявки.

«К 1864 г. Россия обладала самой разветвленной системой мер пресечения, в то время как на Западе применялись только две меры – арест и залог. По оценке учёных, это является скорее свидетельством культуры отечественного правотворчества и высокой техникой законодательства, чем признаком реакционного политического режима» [67, с. 116].

Октябрьская революция 1917 г. отказалась от накопленной законодательной базы дореволюционного периода.

По УПК РСФСР 1922 г. система мер уголовно-процессуального принуждения преобразилась. Были более детально описаны такие меры, как:

- «привод;
- подписка о невыезде;
- личное и имущественное поручительство;
- залог;
- домашний арест;
- заключение под стражу» [54].

Важное положение было закреплено в ст. 163 УПК РСФСР 1922 г.: «Об избрании, в качестве меры пресечения, заключения под стражу, следователь сообщает прокурору и посылает копию постановления в место заключения и по месту службы обвиняемого».

Изменение или отмена избранной в отношении обвиняемого меры пресечения по УПК РСФСР 1922 г. осуществлялось тогда, когда отпадала дальнейшая необходимость избранной меры пресечения.

Отмена или изменение меры пресечения, избранной следователем, производилось на основании его мотивированного постановления, а при избрании меры пресечения по предложению прокурора – то её отмена или изменение осуществлялось при обязательном согласии прокурора. Назначенная судом мера пресечения отменялась или изменялась лишь по определению суда.

УПК РСФСР 1923 г. не внёс существенных изменений в советскую систему мер уголовно-процессуального принуждения.

Принятие УПК РСФСР 1960 г. привнесло ранее неизвестные советскому государству меры превентивного воздействия. В их числе оказались:

- отдача несовершеннолетнего под присмотр (родителей и других родственников, опекунов, попечителей или иных заслуживающих доверия лиц, а несовершеннолетнего, воспитывающегося в

специальном детском учреждении, - администрации данного учреждения);

- поручительство общественного объединения;
- наблюдение командования воинской части за подозреваемым или обвиняемым.

УПК РСФСР 1960 г. упразднил домашний арест [65].

Зная, что Советский Союз в рамках реализации законодательства исходил в основном из целесообразности применения, то и в рамках реализации мер пресечения в это время из такого богатого перечня применялись только два – подписка о невыезде и заключения под стражу. Согласно официальным данным, представленных 1990-х гг. эти меры пресечения применялись практически в 98% случаев [22, с. 87].

УПК РСФСР 1960 г. действовал и после развала советского строя. На его смену пришёл УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ, введённый в действие Федеральным законом от 18.12.2001 № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [66].

«Отличием УПК РФ от предшественников является использование системного подхода к формализации мер процессуального принуждения. В иерархии УПК РФ меры процессуального принуждения расположены в разделе IV УПК РФ («Меры процессуального принуждения»), включающем три главы:

- гл. 12 «Задержание подозреваемого»;
- гл. 13 «Меры пресечения»;
- гл. 14 «Иные меры процессуального принуждения».

В действующем перечне мер уголовно-процессуального принуждения оказались:

- задержание подозреваемого;
- подписка о невыезде;
- личное поручительство;
- наблюдение командования воинской части;

- присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
- запрет определенных действий;
- залог;
- домашний арест;
- заключение под стражу;
- обязательство о явке;
- привод;
- временное отстранение от должности;
- наложение ареста на имущество;
- денежное взыскание».

Таким образом, первой мерой уголовно-процессуального принуждения на Руси XIII-XIV вв. являлось поручительство со стороны общины и авторитетных людей.

Судебники 1497-1555 гг. также использовали поручительство в качестве меры принуждения. Соборным уложением 1649 г. вводится тюремное заключение, Петром I – «отдача за пристава», Сводом законов 1832 г. – содержание в тюрьме и полиции, домашний арест, полицейский надзор и отдача на поруки.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. имело множество изъянов, повлекших необоснованно частое избрание в качестве меры пресечения заключение под стражу.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. предусмотрел семь мер превентивного и пресекающего характера – подписка о невыезде и надлежащем поведении, отдача под особый надзор полиции, отдача на поруки, взятие залога, домашний арест и взятие под стражу, привод.

В УПК РСФСР 1922 г. закреплялись такие меры, как привод, подписка о невыезде, поручительство личное и имущественное, залог, домашний арест и заключение под стражу.

УПК РСФСР 1923 г. сохранил без изменений подход предшествующего закона. УПК РСФСР 1960 г. упразднил институт домашнего ареста, установив

три меры превентивного воздействия – отдача несовершеннолетнего под присмотр, поручительство общественного объединения и наблюдение командования воинской части. В настоящее время действует УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ, посвятивший мерам уголовно-процессуального принуждения самостоятельный раздел.

1.3 Меры пресечения в системе мер процессуального принуждения

В УПК РФ не содержится определения мер пресечения. С целью раскрытия содержания исследуемого понятия необходимо обратиться к доктрине уголовно-процессуального права.

«Меры пресечения – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры принуждения, которые применяются в рамках уголовного дела к обвиняемому, подозреваемому, подсудимому и несущие последствия в виде ограничения конституционных прав и свобод вышеперечисленных участников процесса» [56, с. 311].

Согласно точке зрения А.П. Кругликова, «меры пресечения – это установленные нормами УПК РФ средства, применяемые компетентными государственными органами при наличии соответствующих оснований и в определенном порядке, ограничивающие личную свободу участников уголовного судопроизводства (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного) с целью обеспечения их надлежащего поведения» [16, с. 249].

Из изложенного следует, что меры пресечения представляют собой меры превентивного и пресекающего характера, избираемые в отношении подозреваемого (обвиняемого) с целью нейтрализации его противоправного поведения и негативного воздействия на ход и результаты уголовного судопроизводства.

«В УПК РФ закрепляется исчерпывающий перечень мер пресечения. В него входят:

- подписка о невыезде;

- личное поручительство;
- наблюдение командования воинской части;
- присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
- запрет определенных действий;
- залог;
- домашний арест;
- заключение под стражу».

Такая иерархия мер пресечения неслучайна: российский законодатель расположил их в порядке возрастания степени посягательства на конституционные права и свободы человека, где домашний арест и заключение под стражу занимают последние места, т.к. ограничивают обвиняемого, подозреваемого в свободе передвижения, личной неприкосновенности и прочих благах.

Применение мер пресечения допускается при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- скроется от дознания, предварительного следствия или суда. Об этом могут свидетельствовать наличие двойного гражданства, недвижимости в иностранном государстве, ВНЖ, разрешения на временное проживание, объявление подозреваемого (обвиняемого) в розыск. К примеру, 12.08.2019 г. следователь по особо важным делам СО по СУ СК РФ с согласия руководителя следственного органа обратился в суд с ходатайством об избрании в отношении обвиняемого ФИО1 меры пресечения, связанной с лишением свободы, мотивируя это тем, что ФИО1 объявлен в межгосударственный розыск, скрывается от органов следствия и суда. При таких обстоятельствах суд удовлетворил ходатайство следователя [49];
- может продолжать заниматься преступной деятельностью. Об этом могут свидетельствовать совершение преступления в составе организованной группы или преступного сообщества, а также

постепенитенциарное поведение подозреваемого (обвиняемого). Так, после совершения преступления ФИО2 проявил аморальное поведение, высказав угрозы причинения смерти в отношении потерпевшего ФИО14, которые последний воспринял всерьёз. При учёте данных обстоятельств суд первой инстанции избрал в отношении ФИО2 домашний арест в качестве меры пресечения [50];

- может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путём воспрепятствовать производству по уголовному делу (ч. 1 ст. 97 УПК РФ). Так, М.А. обвиняется в совершении тяжкого преступления, за которое уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет, не трудоустроен, постоянного источника дохода не имеет, склонен к противоправному поведению, угрожал потерпевшему применением к нему насилия, что не оспаривается и самим обвиняемым, потерпевший настаивал на избрании в отношении М.А. меры пресечения в виде домашнего ареста, поскольку опасается за свою жизнь и здоровье. 04.09.2020 г. постановлением Гдовского районного суда Псковской области в отношении подозреваемого М.А. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста на срок 02 месяца [53].

В качестве самостоятельного основания для избрания меры пресечения закон называет обеспечение исполнения приговора или возможная выдача лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ (ч. 2 ст. 97 УПК РФ).

Представляется верным, что применение мер пресечения осуществляется с целью ликвидации возможности подозреваемого (обвиняемого) каким-либо своим действием (бездействием) воспрепятствовать производству предварительного расследования.

В тех случаях, когда следователь, дознаватель, суд располагают данными о личности подозреваемого (обвиняемого), понимают об отсутствии изложенной опасности, то у них отпадает необходимость избрания в

отношении данного субъекта меры превентивного (пресекательного) воздействия.

Этим суждением в достаточной степени раскрывается содержание термина, используемого в тексте ст. 97 УПК РФ – «достаточные основания», который излагается в тексте названной уголовно-процессуальной нормы в контексте наличия достоверных сведений для избрания той или иной меры пресечения.

Дополняет высказанную мысль В.В. Смирнов, резюмируя, что «до момента принятия решения об избрании меры пресечения должна быть установлена совокупность обстоятельств, которая будет свидетельствовать о ненадлежащем поведении обвиняемого в процессе расследования» [60, с. 24].

Так, Пленум Верховного Суда РФ отмечает, что «в качестве оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу могут быть признаны такие фактические обстоятельства, которые свидетельствуют о реальной возможности совершения обвиняемым, подозреваемым действий, указанных в статье 97 УПК РФ, и невозможности беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства посредством применения в отношении лица иной меры пресечения. В частности, о том, что лицо может скрыться от дознания, предварительного следствия или суда, на первоначальных этапах производства по уголовному делу могут свидетельствовать тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок либо нарушение лицом ранее избранной в отношении его меры пресечения, не связанной с лишением свободы. О том, что лицо может скрыться за границей, могут свидетельствовать, например, подтвержденные факты продажи принадлежащего ему на праве собственности имущества на территории Российской Федерации, наличия за рубежом источника дохода, финансовых (имущественных) ресурсов, наличия гражданства (подданства) иностранного государства, отсутствия у такого лица в Российской Федерации постоянного места жительства, работы, семьи. Вывод суда о том, что лицо может

продолжать заниматься преступной деятельностью, может быть сделан с учетом, в частности, совершения им ранее умышленного преступления, судимость за которое не снята и не погашена.

О том, что обвиняемый, подозреваемый может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, могут свидетельствовать наличие угроз со стороны обвиняемого, подозреваемого, его родственников, иных лиц, предложение указанных лиц свидетелям, потерпевшим, специалистам, экспертам, иным участникам уголовного судопроизводства выгод материального и нематериального характера с целью фальсификации доказательств по делу, предъявление лицу обвинения в совершении преступления в составе организованной группы или преступного сообщества. (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий») [55].

С целью определения места института мер пресечения в системе мер уголовно-процессуального принуждения обособим его, указав в качестве индивидуализирующих признаков:

- ограниченный субъектный состав. Меры пресечения избираются дознавателем, следователем и судом в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и осужденного;
- посягают на конституционные права и свободы человека. Меры пресечения в долгосрочной перспективе ограничивают такие конституционные права и свободы, как свободу передвижения, неприкосновенность личности, право на собственности и др.;
- применяются как при общих опасениях (к примеру, подозреваемый, обвиняемый может скрыться от органов дознания, предварительного следствия или суда), так и специальных (к примеру, домашний арест назначается в качестве меры воздействия при неудавшейся попытке

подозреваемого, обвиняемого скрыться от органов предварительного расследования или суда) [3].

Мера пресечения избирается правоприменителем не только по внутреннему убеждению, но также и при оценки имеющихся доказательств, которые в свою очередь обосновывают применение той или иной меры пресечения.

Принято выделять следующие группы доказательств, позволяющих обосновано применить соответствующий вид принуждения в отношении подозреваемого или обвиняемого:

- первая группа доказательств являются неоспоримыми фактами причастности лица к совершению соответствующего уголовного преступления. К таковым относятся: задержание лица с поличным, имеются следы преступления на подозреваемом, имелось при себе орудие преступления и так далее.
- доказательства, отражающие посткриминальное поведение подозреваемого (обвиняемого). О таком поведении свидетельствуют действия (угрозы) подозреваемого (обвиняемого) по уничтожению доказательств, их фальсификации, оказанию давления на участников уголовного процесса, как физического (нанесение побоев), так и материального (уничтожение имущества), и психологического (расправа над близким лицом, родственником участника уголовного судопроизводства), иные меры воспрепятствования нормальному ходу расследования по уголовному делу;
- доказательства, учитываемые во всех случаях. Пленум Верховного Суда РФ в 2013 г. дал разъяснения, что при рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя об избрании меры пресечения должны учитываться такие обстоятельства, как тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

И, только если имеются достаточные основания, подтвержденные доказательствами, суд, следователь или дознаватель правомочен применять одну из мер пресечения, перечисленных в ст. 98 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Выводы по первой главе исследования.

Природа мер уголовно-процессуального принуждения выражается через призму обязанностей участника уголовного процесса, а именно через обеспечительные меры соблюдения и исполнения указанных обязанностей. Они исполняют роль гаранта соблюдения всех правил уголовного процесса. Их реализация строго регламентирована в уголовно-процессуальном законодательстве.

УПК РФ посвящает мерам уголовно-процессуального принуждения раздел IV, именуемый «Меры процессуального принуждения», содержащий три самостоятельные главы (гл.12 «Задержание подозреваемого», гл. 13 «Меры пресечения», гл. 14 «Иные меры процессуального принуждения»).

Первой мерой уголовно-процессуального принуждения на Руси XIII – XIV вв. являлось поручительство со стороны общины и авторитетных людей. Судебники 1497 – 1555 гг. также использовали поручительство в качестве меры принуждения.

Соборным уложением 1649 г. вводится тюремное заключение, Петром I – «отдача за пристава», Сводом законов 1832 г. – содержание в тюрьме и полиции, домашний арест, полицейский надзор и отдача на поруки. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. имело множество изъятий, повлекших необоснованно частое избрание в качестве меры пресечения заключение под стражу.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. предусмотрел семь мер превентивного и пресекательного характера – подписка о невыезде и надлежащем поведении, отдача под особый надзор полиции, отдача на поруки, взятие залога, домашний арест и взятие под стражу, привод.

В УПК РСФСР 1922 г. закреплялись такие меры, как привод, подписка о невыезде, поручительство личное и имущественное, залог, домашний арест и заключение под стражу.

УПК РСФСР 1923 г. сохранил без изменений подход предшествующего закона. УПК РСФСР 1960 г. упразднил институт домашнего ареста, установив три меры превентивного воздействия – отдача несовершеннолетнего под присмотр, поручительство общественного объединения и наблюдение командования воинской части.

В настоящее время действует УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ, посвятивший мерам уголовно-процессуального принуждения самостоятельный раздел.

Меры пресечения — это меры превентивного и пресекающего характера, избираемые в отношении подозреваемого (обвиняемого) с целью нейтрализации его противоправного поведения и негативного воздействия на ход и результаты уголовного судопроизводства.

«Систему мер пресечения по УПК РФ составляют:

- подписка о невыезде;
- личное поручительство;
- наблюдение командования воинской части;
- присмотр за несовершеннолетним обвиняемым;
- запрет определенных действий;
- залог;
- домашний арест;
- заключение под стражу».

Особенностями мер пресечения, отличающими их от иных мер уголовно-процессуального принуждения, являются специальный субъектный состав, ограничение конституционных прав и свобод человека, применение как в общих, так и специальных случаях.

Мера пресечения избирается правоприменителем не только по внутреннему убеждению, но также и при оценки имеющихся доказательств,

которые в свою очередь обосновывают применение той или иной меры пресечения.

Принято выделять следующие группы доказательств, позволяющих обосновано применить соответствующий вид принуждения в отношении подозреваемого или обвиняемого:

- первая группа доказательств являются неоспоримыми фактами причастности лица к совершению соответствующего уголовного преступления.
- доказательства, отражающие посткриминальное поведение подозреваемого (обвиняемого).
- доказательства, учитываемые во всех случаях. Пленум Верховного Суда РФ в 2013 г. дал разъяснения, что при рассмотрении ходатайства следователя или дознавателя об избрании меры пресечения должны учитываться такие обстоятельства, как тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

Глава 2 Домашний арест как мера пресечения

2.1 Домашний арест: понятие и место в системе мер пресечения

Сотрудники кафедры «Уголовное право и процесс», Института права, ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» Т.В. Мычак, Ю.О. Мещерякова и А.Р. Тахаутдинова утверждают о «неэффективности применения мер пресечения, не связанных с ограничением свободы. Кроме того, ими указывается о фактическом применении лишь двух мер пресечения – подписки о невыезде и заключении под стражу.

Правомочные субъекты воздерживаются от иных мер пресечения, в числе которых и домашний арест, в силу их неэффективности и слабой технической оснащённостью» [19, с. 21]. Признание приоритета за подпиской о невыезде и заключением под стражу свидетельствует о неостребованности домашнего ареста.

УПК РФ не даёт определения термину «домашний арест». В иных законодательных актах достаточно активно применяется понятие «арест»: по УК РФ арест заключается в содержании осужденного в условиях строгой изоляции от общества (ч. 1 ст. 54 УК РФ) [63]; по КоАП РФ арест выражается в содержании нарушителя в условиях изоляции от общества (ч. 1 ст. 3.9 КоАП РФ) [13].

Обратившись к толковым словарям, следует, что «арест» — это «заключение под стражу», «приказание не выходить из дома», «запрещение распоряжаться имуществом, налагаемое судебными органами» [23, с. 28]; «запрет выходить из дома как форма пресечения деятельности; запрещение распоряжаться имуществом или денежными средствами, налагаемое судебными органами» [18, с. 1456].

Логика толковых словарей наталкивает на мысль, что домашний арест – это средство пресекательного воздействия, заключающаяся в запрете выходить за пределы жилого помещения.

Однако, для применения по аналогии к ст. 107 УПК РФ данный подход представляется недостаточным и лишённым аспектов, характерных этому уголовно-процессуальному институту.

В уголовно-процессуальной литературе сформулировано несколько подходов к раскрытию исследуемого термина. Рассмотрим их поподробнее.

В своей монографии Е.В. Салтыков выдвигает следующее определение: «Домашний арест — это мера пресечения, позволяющая, при наличии оснований для избрания заключения под стражу, а также для обеспечения исполнения приговора, с учётом возраста, состояния здоровья, семейного положения обвиняемого (подозреваемого) и других обстоятельств, применить к нему по постановлению суда ограничения, связанные со свободой передвижения, а также установить запрет на общение с определенными лицами, получение и отправление корреспонденции, ведение переговоров с использованием любых средств связи» [61, с. 61].

Позиция данного автора имеет как преимущества, так и изъяны: справедлив Е.В. Салтыков, причисляя домашний арест к действующей системе мер пресечения, проводя аналогию с заключением под стражу, раскрывая его назначение и сущность, однако нельзя полностью согласиться с его мнением, т.к. им упускаются из поля зрения отдельные организационные аспекты, а также правовой статус отдельных участников, что в последствии позволяет определить отличительные признаки анализируемого вида меры пресечения смежных.

Ю.Г. Овчинников анализирует домашний арест через призму следующих параметров:

- определение места домашнего ареста в действующей системе мер уголовно-процессуального принуждения. Тут автором делается вывод, что домашний арест является суровой мерой пресечения, которая по такому критерию уступает лишь заключению под стражу, и ограничивая подозреваемое (обвиняемое) лицо в свободе передвижения, имеет значительный превентивный эффект;

- указание на статус субъекта, в отношении которого избирается данная мера пресечения. Согласно данному признаку, домашний арест избирается в отношении лица, признанного в установленном УПК РФ порядке обвиняемым, а в исключительных случаях – подозреваемым;
- разновидности превентивного воздействия, оказываемого домашним арестом в отношении подозреваемого (обвиняемого). Частная превенция домашнего ареста достигается благодаря оказанию на подозреваемого (обвиняемого) комплекса мер ограничительного характера, где законным способом сужаются пределы личной свободы, устанавливаются запреты (пп. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), оказывающие психическое влияние на поведение подозреваемого (обвиняемого);
- домашний арест также законодателем предусматривается как особая мера, которая применяется с учетом требования, установленных для применения меры заключения под стражу. Согласно ч. 3 ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса РФ «домашний арест в качестве меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда в порядке, установленном статьей 108 настоящего Кодекса, с учетом особенностей, определенных настоящей статьей». Соответственно, нормы о заключении под стражу носят общий для института домашнего ареста характер, а в случае конкуренции норм подлежат применению положения ст. 107 УПК РФ.

Особое внимание по поводу определения места домашнего ареста среди спектра мер пресечения, установленных УПК РФ, следует уделить работе В.А. Светочева.

Ученый в своей работе под домашним арестом понимает меру пресечения, имеющая судебный порядок избрания и применения в отношении подозреваемого или обвиняемого, суть которой заключается в ограничении

некоторых конституционных и естественных прав человека, таких как: право на свободу передвижения, право на телефонные переговоры и так далее.

В частности, данная мера пресечения реализуется посредством полной или частичной изоляции подозреваемого или обвиняемого в пригодном для проживания помещении (как правило в жилище подозреваемого или обвиняемого). Также, анализируемая мера пресечения предшествует целый ряд ограничений в нормальной жизнедеятельности, например, разрешено посещать улицу не дальше 50 метров от дома и не дольше 2-х часов в день [62, с. 11].

Необходимо подчеркнуть, что В.А. Светочев верно апеллирует понятиями «частичная изоляция» и «полная изоляция», поскольку домашний арест не подразумевает полную изоляцию подозреваемого (обвиняемого) от общества. УПК РФ оставляет простор для правоприменителя в решении этого вопроса, говоря лишь об изоляции от общества.

Следственно-судебная практика об избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения признаёт, что полная изоляция подозреваемого (обвиняемого) от общества является негативным аспектом превентивного воздействия меры пресечения, отрицательно сказывающемся на физическом и психическом здоровье.

Для минимизации такого воздействия суды прибегают к различным компромиссам – например, решая вопросы досуга подозреваемого (обвиняемого), находящегося под домашним арестом. Рассмотрим наиболее интересные из них:

- постановлением Жуковского районного суда Калужской области от 30.03.2020 г. в отношении обвиняемого ФИО1 избрана мера пресечения в виде домашнего ареста сроком на 01 месяц 14 суток. При этом ФИО1 разрешены ежедневные прогулки в будние дни с 16 до 19 часов, а в выходные дни – с 15 до 17 часов [45];
- постановлением Кировского районного суда г. Томска Томской области от 23.03.2020 г. в отношении С.С.С. срок домашнего ареста

продлен до 30.06.2020 г. с сохранением ранее установленных запретов и ограничений, при этом ему разрешено посещение тренажерного зала в часы ежедневных прогулок с 14 до 16 часов [46].

Учитывая преимущества подхода В.А. Светочева, им применяется такая абстрактная категория, как «жилище, пригодное для проживания». Неясно, как она должна соотноситься с официальной дефиницией, установленной в п. 10 ст. 5 УПК РФ.

Другим важным замечанием является возможность избрания домашнего ареста с последующим нахождением подозреваемого (обвиняемого) в лечебном учреждении при наличии неудовлетворительного состояния здоровья. Это положение не отражено в позиции В.А. Светочева.

Приведённые подходы позволяют определить универсальное определение домашнего ареста как меры пресечения, отвечающее логике ст. 107 УПК РФ.

Под домашним арестом следует понимать один из видов меры пресечения, установленной и регламентированной в Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации, имеющая судебный порядок избрания и применения в отношении подозреваемого или обвиняемого, суть которой заключается в ограничении некоторых конституционных и естественных прав человека, таких как: право на свободу передвижения, право на телефонные переговоры и так далее. Реализация данной меры пресечения осуществляется, как правило заключается в частичной или полной изоляции в месте, пригодном для жилья.

Домашний арест является также предшественником некоторых других правоограничений.

Выявив содержание термина «домашний арест», представляется возможным определить его место в системе мер пресечения по УПК РФ, где для этой цели будут использованы следующие параметры:

- степень ограничения свободы подозреваемого (обвиняемого);
- запреты, устанавливаемые для усиления превентивного воздействия;

- последствия нарушения условий исполнения данной меры пресечения;
- категории преступлений, при которых допускается избрание домашнего ареста;
- процедура избрания и правила зачёта домашнего ареста [57, с. 84].

В положениях ст. 98 УПК РФ меры пресечения по степени строгости расположены таким образом, что подписка о невыезде признаётся наиболее мягкой мерой пресечения, а наиболее суровой – заключение под стражу. Домашний арест в существующей системе мер пресечения по степени возрастания строгости занимает предпоследнее место, уступая лишь заключению под стражу.

Таким образом, в существующей системе мер пресечения домашний арест занимает предпоследнее место, уступая по строгости заключению под стражу.

2.2 Основания избрания домашнего ареста как меры пресечения и условия, учитываемые при избрании

Как у любого вида мер государственного принуждения и пресечения у домашнего ареста имеются соответствующие основания избрания и применения, которые перечислены в ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Согласно ч. 1 указанной нормы, «дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных настоящим Кодексом, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый»:

Во-первых, скроется от дознания, предварительного следствия или суда. Об этом может свидетельствовать асоциальное поведение подозреваемого, обвиняемого до или после избрания меры пресечения (к примеру, попытки

побега, сопротивление при задержании, нарушение условий и обязанностей по ранее избранной мере пресечения, неуважительная неявка по вызову следователя, дознавателя, суда, нахождение в розыске, отсутствие постоянного места жительства либо сведений, идентифицирующих личность и др.).

Необходимо заметить, что Верховный Суд РФ признаёт единичную неявку подозреваемого (обвиняемого) по вызову следователя (дознавателя, суда) в качестве недостаточного основания для избрания меры пресечения [25]. Определённый интерес для настоящей работы представляет позиция Европейского Суда, хотя она лишена юридической силы для Российской Федерации в силу политизированности решений, тем не менее укажем, что возможность сокрытия подозреваемого (обвиняемого) от дознания, предварительного следствия или суда зависит и от категории совершенного преступления.

При предъявлении лицу обвинения в совершении тяжкого преступления у него инстинктивно возникнет желание избежать ответственности, спрятаться от правоохранительных органов.

В этом отношении Европейский Суд повторяет, что, хотя тяжесть возможного наказания и является существенным элементом при оценке вероятности того, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, избрание в отношении подозреваемого (обвиняемого) меры пресечения, связанной с ограничением свободы, должно осуществляться при учёте других существенных факторов, которые могут либо подтвердить наличие риска побега, либо продемонстрируют указанный риск таким незначительным, что он не сможет исключить необходимость избрания суровой меры пресечения [32].

Во-вторых, может продолжать заниматься преступной деятельностью. Об этом могут говорить сведения о наличии неснятой и непогашенной судимости, обвинение в совершении двух или более преступлений,

преступления, совершенного в группе лиц, занятие высшего положения в преступной иерархии.

Возможность подозреваемого (обвиняемого) воспрепятствовать производству по делу может быть подтверждена при помощи сведений о служебной или личной зависимости свидетеля, потерпевшего, иного участника уголовного судопроизводства от подозреваемого (обвиняемого), его высоким должностным положением.

Не признаётся воспрепятствованием производству по уголовному делу отказ подозреваемого (обвиняемого) от дачи показаний, т.к. это является формой реализации ст. 51 Конституции РФ, установившей право не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников.

Европейский Суд говорит о том, что при нормальном ходе событий риски воспрепятствования подозреваемым (обвиняемым) производству по уголовному делу уменьшаются по мере проведения расследования, взятия показаний и проведения проверок [33].

Не согласимся, т.к. может возыметь обратный эффект, когда при гуманизации средств превентивного и пресекательного воздействия у подозреваемого (обвиняемого) в силу чувства вседозволенности может вспыхнуть желание совершить побег из региона или страны, в котором осуществляется его уголовное преследование.

Домашний арест как мера пресечения, также может быть избрана и в качестве обеспечительной меры, например, с целью обеспечения исполнения судебного решения и так далее.

Специальной нормой о домашнем аресте закрепляется такое основание избрания данной меры пресечения, как невозможность применения иной, более мягкой, меры пресечения.

Иных оснований ст. 107 УПК РФ не предусматривает. Определенную конкретику в этот вопрос вносит Верховный Суд РФ: «Порядок принятия решения об избрании данной меры пресечения аналогичен установленному

статьей 108 УПК РФ порядку избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу (часть 3 статьи 107 УПК РФ).

При этом условия, связанные с видом и размером наказания, которые установлены частью 1 статьи 108 УПК РФ для применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, на домашний арест не распространяются, поскольку они не предусмотрены статьей 107 УПК РФ. Судам следует иметь в виду, что избрание меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, допускается лишь в случае, если за это преступление в соответствии с положениями Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, в том числе с частью 1 статьи 56 УК РФ, частью 6 статьи 88 УК РФ, и санкцией соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве наиболее строгого вида наказания может быть назначено лишение свободы, либо при наличии предусмотренных частью 1 статьи 108 УПК РФ исключительных случаев для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. При этом суду надлежит во всех случаях разрешать вопрос о возможности избрания такому лицу более мягкой меры пресечения».

Таким образом, домашний арест в качестве меры пресечения избирается в судебном порядке, если имеются достаточные основания полагать, что подозреваемый причастен к совершению преступления небольшой тяжести, если санкция нормы, устанавливающей ответственность за данное преступление, закрепляет наказание в виде лишения свободы. Закон предусматривает следующие легальные обстоятельства применения анализируемой меры пресечения:

Во-первых, подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории РФ. При таком условии избрание домашнего ареста допускается путём изоляции в жилом помещении, в котором подозреваемый (обвиняемый) находится на законных основаниях (к примеру, на основании договора найма).

Однако суды не прибегают избирать домашний арест по данному основанию, предпочитая заключение под стражу. Разберём сказанное на следующих примерах. «Так, удовлетворяя ходатайство следователя, с учётом характера предъявленного ФИО1 обвинения, который по версии органа предварительного расследования обвиняется в совершении в период административного надзора тяжкого преступления, не имеет регистрации на территории РФ, не имеет постоянного места жительства, проживал у товарища, в отношении ФИО1 избрано заключение под стражу в качестве меры пресечения, т.к. имеются обоснованные основания полагать, что он может скрыться от органов следствия и суда, чем воспрепятствует уголовному судопроизводству» [34].

«В другом судебном деле апелляционная инстанция рассматривала аналогичную ситуацию: в отношении Д., не имеющего постоянного места жительства на территории г. Якутска, постановлением суда первой инстанции от 20.01.2020 г. оставлено без удовлетворения ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Суд назначил более мягкую меру пресечения – домашний арест. Апелляционная инстанция, понимая, что обвиняемый Д., находясь на свободе, может скрыться от органов предварительного следствия, а также воспрепятствовать производству по уголовному делу, изменила ранее избранную меру пресечения в виде домашнего ареста на заключение под стражу» [35].

Следующим основанием является отсутствие информации о личности подозреваемого или обвиняемого, т.е. его личность не подтверждена документами или достоверными сведениями.

В-третьих, подозреваемым или обвиняемым нарушена ранее избранная мера пресечения.

В-четвёртых, подозреваемый или обвиняемый скрылся от органов предварительного расследования или от суда. УПК РФ закрепляет правило, согласно которому при неизвестности места нахождения подозреваемого или обвиняемого следователь вправе поручить его розыск органам дознания,

о чём указывает в постановлении о приостановлении предварительного следствия или выносит отдельное постановление (ч. 1 ст. 210 УПК РФ).

Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления обвиняемого в международный и (или) межгосударственный розыск (ч. 5 ст. 108 УПК РФ). В иных случаях действует общий порядок, т.е. установление места нахождения подозреваемого (обвиняемого) через ОРМ, задержание в порядке ст. ст. 91 и 92 УПК РФ, избрание меры пресечения, связанной с ограничением свободы.

Так, 11.03.2020 г. в связи с не установлением по месту жительства и регистрации в г. Магадане С. объявлен в розыск, по результатам которого установлен проживающим в иной области. 28.03.2020 г. постановлением Магаданского городского суда Магаданской области в отношении С. избрана мера пресечения в виде домашнего ареста с установлением соответствующих ограничений [37].

«При избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения учитываются следующие условия:

- тяжесть преступления;
- сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий;
- совершение лицом преступления в отношении членов своей семьи при совместном проживании;
- поведение лица после совершения преступления (явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, заглаживание причиненного в результате преступления вреда)».

Отдельное внимание необходимо обращать на лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, не достигших 18 лет, - на их возраст, условия жизни и воспитания, особенности личности, влияние на них старших по возрасту лиц, в том числе их законных представителей.

Приведенные условия подлежат обязательному выяснению и оценке при решении вопроса об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста. Эти сведения могут также обосновать необходимость смягчения избранной меры пресечения в виде заключения под стражу на домашний арест.

Так, давая оценку обоснованности объявления 01.11.2019 г. В. в розыск, суд апелляционной инстанции усмотрел, что в период с 03.05.2019 г. по 01.11.2019 г. В. дважды был допрошен в качестве подозреваемого, во время допросов указал своё место жительства, где проживает вместе с родителями, полностью признал свою вину в совершенных преступлениях.

В. органами предварительного следствия на допрос в порядке, установленном ч. 2 ст. 188 УПК РФ, не вызывался, его явка в порядке ч. 3 ст. 188 УПК РФ к следователю не обеспечивалась, что в совокупности свидетельствует о необоснованном объявлении его в розыск 01.11.2019 г.

Поскольку приведенные данные указывают на то, что его личность документальна установлена, он имеет место регистрации и проживает с родителями, работает и от органов предварительного следствия не скрывался. Постановление Магаданского городского суда Магаданской области от 15.11.2019 г., которым в отношении В. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, отменено, в отношении В. избрана более мягкая мера пресечения – домашний арест [36].

Таким образом, общие основания избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения отражены в ст. 97 УПК РФ и носят вероятностно-обеспечительный характер.

2.3 Процессуальный порядок избрания и продления домашнего ареста

Для избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения следователь (дознатель) составляет соответствующее ходатайство, адресуемое в судебный орган. По результатам рассмотрения данного ходатайства судья выносит одно из следующих постановлений:

- об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста;
- об отказе в удовлетворении ходатайства.

В постановлении об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста необходимо указывать жилое помещение, в котором подозреваемому или обвиняемому надлежит находиться.

Суд вправе определить лицу для нахождения только такое жилое помещение, в котором оно проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях (часть 1 статьи 107 УПК РФ). В связи с этим суду необходимо проверять основания проживания подозреваемого или обвиняемого в жилом помещении, нахождение в котором предполагается в случае избрания в отношении его меры пресечения в виде домашнего ареста. Например, при проживании лица в жилом помещении по договору найма следует проверить наличие договора найма жилого помещения, соответствующего требованиям Гражданского кодекса Российской Федерации и Жилищного кодекса Российской Федерации, а также срок действия договора; в случае временной регистрации лица на территории Российской Федерации надлежит проверить соответствие места регистрации месту проживания лица, а также срок действия регистрации.

Если жилое помещение, в котором предполагается нахождение подозреваемого или обвиняемого во время домашнего ареста, располагается за пределами муниципального образования, на территории которого осуществляется предварительное расследование, домашний арест может быть

избран в качестве меры пресечения при условии, что данное обстоятельство не препятствует осуществлению производства по уголовному делу в разумные сроки, в частности не препятствует обеспечению доставления лица в орган дознания или орган предварительного следствия, а также в суд.

Под жилым помещением для целей статьи 107 УПК РФ понимается любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например, дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям.

Если жилое помещение, в котором предполагается нахождение подозреваемого или обвиняемого во время домашнего ареста, располагается за пределами муниципального образования, на территории которого осуществляется предварительное расследование, домашний арест может быть избран в качестве меры пресечения при условии, что данное обстоятельство не препятствует осуществлению производства по уголовному делу в разумные сроки, в частности не препятствует обеспечению доставления лица в орган дознания или орган предварительного следствия, а также в суд.

Если судебное решение об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста затрагивает права и законные интересы проживающих в том же жилом помещении собственника жилья или других лиц, они вправе обжаловать его в установленном законом порядке.

Постановление судьи направляется лицу, возбудившему ходатайство, прокурору, уголовно-исполнительной инспекции (далее – УИИ) по месту отбывания домашнего ареста, подозреваемому или обвиняемому и подлежит немедленному исполнению.

В решении об избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста суд должен указать вид и пределы налагаемых на лицо запретов, предусмотренных пунктами 3 - 5 части 6 статьи 105.1 УПК РФ, если в

соответствии с частью 7 статьи 107 УПК РФ придет к выводу о необходимости их наложения на подозреваемого, обвиняемого.

Запрещая подозреваемому или обвиняемому общение с определенными лицами или ограничивая его в общении, суд должен указать данные, позволяющие идентифицировать этих лиц.

При запрете на пользование средствами связи или ограничении в их использовании суду следует разъяснить подозреваемому, обвиняемому его право на использование телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при возникновении чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом, дознавателем, следователем и необходимость информировать контролирующий орган о каждом таком звонке (часть 8 статьи 107 УПК РФ).

Для установления запрета на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений либо на использование средств связи или ограничения в этом при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста не требуется вынесения дополнительного судебного решения по указанным вопросам в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ.

При возложении на подозреваемого или обвиняемого запрета использовать информационно-телекоммуникационную сеть "Интернет" суду следует указать случаи, в которых лицу разрешено использование этой сети (например, для обмена информацией между лицом и учебным заведением - если подозреваемый или обвиняемый является учащимся этого заведения).

Отдельно отмечается недопустимость применения запретов при домашнем аресте, не предусмотренных ч. 7 ст. 107 УПК РФ. Игнорирование данного правила является нарушением уголовно-процессуального закона и служит основанием для отмены или изменения принятого решения в порядке апелляции.

К примеру, в ходе рассмотрения апелляционной жалобы адвоката М.А.В. по делу № 22К-4975 Пермским краевым судом установлено, что при

избрании домашнего ареста суд первой инстанции не учёл, что он лишён права подвергать подозреваемого (обвиняемого) запретам, не предусмотренным ч. 7 ст. 107 УПК РФ. Суд первой инстанции установил обвиняемому Д. запреты, не предусмотренные ч. 7 ст. 107 УПК РФ, - покидать жилище без письменного разрешения следователя и контролирующего органа; менять указанное место проживания без разрешения следователя; свободно передвигаться по п. Гайны в отсутствие сопровождения сотрудников ФСИН. Эти запреты были исключены по результатам апелляционного обжалования [38].

В решении суда об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста указываются:

- условия исполнения этой меры пресечения, в том числе место, в котором будет находиться подозреваемый или обвиняемый;
- срок домашнего ареста;
- запреты, установленные в отношении подозреваемого или обвиняемого;
- способы связи со следователем, дознавателем и УИИ.

В орган дознания или орган предварительного следствия, а также в суд подозреваемый или обвиняемый доставляется транспортным средством УИИ.

Исходя из положений части 2 статьи 107 УПК РФ течение срока домашнего ареста начинается в день вынесения судебного решения об избрании этой меры пресечения.

В постановлении об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста или о продлении срока ее действия необходимо указывать продолжительность срока и дату его окончания.

Для правильного определения времени окончания срока домашнего ареста следует учитывать положения части 2.1 статьи 107 УПК РФ, в соответствии с которыми в срок домашнего ареста засчитывается время содержания лица под стражей.

Если в разное время к подозреваемому или обвиняемому применялись и домашний арест, и заключение под стражу, совокупный срок указанных мер

пресечения независимо от того, в какой последовательности они применялись, не должен превышать предельный срок, установленный статьей 109 УПК РФ для содержания под стражей.

Постановление судьи об избрании домашнего ареста направляется лицу, возбудившему ходатайство о мере пресечения, прокурору, контролирующему органу по месту отбывания домашнего ареста (уголовно-исполнительной инспекции), подозреваемому, обвиняемому и подлежит немедленному исполнению (часть 6 статьи 107 УПК РФ).

Таким образом, с целью избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения дознаватель, следователь выносят соответствующее ходатайство, адресуемое в судебный орган.

По результатам рассмотрения данного ходатайства судья выносит одно из следующих постановлений: об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста; об отказе в удовлетворении ходатайства.

С учётом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельствах дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения суд может установить запреты, предусмотренные пп. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ: общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и сеть «Интернет». Общий срок домашнего ареста составляет 2 месяца, допускается его продление в порядке, определённом ст. 108 УПК РФ.

2.4 Характер и объём ограничений и запретов, назначаемых при применении домашнего ареста

При избрании в качестве меры пресечения домашнего ареста суд вправе в зависимости от тяжести предъявленного обвинения и фактических обстоятельств дела подвергнуть подозреваемого (обвиняемого) всем запретам,

перечисленным в пп. 3 – 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, либо некоторым из них. Ограниченный перечень запретов, налагаемых при домашнем аресте, служит для усиления превентивного и пресекающего воздействия домашнего ареста, а не замещения запрета определенных действий, выступающего самостоятельной мерой пресечения.

При домашнем аресте подозреваемому или обвиняемому может быть запрещено:

- общаться с определенными лицами;
- отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и сеть «Интернет».

Суду запрещается применять иные запреты, выходящие за рамки ч. 7 ст. 107 УПК РФ.

Запрещая подозреваемому или обвиняемому общение с определенными лицами или ограничивая его в общении, суд должен перечислить сведения, позволяющие идентифицировать этих лиц. Анализ эмпирических данных относительно назначения запрета общаться с определенными лицами наталкивает на следующие выводы:

- для идентификации достаточно указать на процессуальный статус лиц, с которыми подозреваемому или обвиняемому запрещается (ограничивается) общение. К такому умозаключению пришёл Верховный Суд Республики Крым, использовав его в качестве довода для отклонения апелляционной жалобы по делу № 3/3-24/2020 [39];
- не допускается запрет (ограничение) на общение подозреваемого (обвиняемого) со своим защитником (адвокатом), законным представителем. Указание в решении суда на возможность общения с этими лицами следует считать излишним. Так, Верховный Суд Чеченской Республики, изменяя решение суда первой инстанции, установил за обвиняемым запрет на общение с лицами, являющимися по рассматриваемому уголовному делу свидетелями,

потерпевшими, за исключением защитника-адвоката, встречи с которым должны проходить по месту домашнего ареста, а также близких родственников, круг которых определён законом [40];

- при введении запрета на общение с определенными лицами, суды могут указывать, с какими лицами подозреваемому (обвиняемому) разрешается общение. Так, Пермский краевой суд, запретив подозреваемому (обвиняемому) общение с определенными лицами, а именно со свидетелями и потерпевшими, разрешил ему продолжать общение с близкими родственниками, круг которых установлен УПК РФ [41].

Оригинальное использование запрета общаться с определенными лицами проглядывается в решении суда Ханты-Мансийского автономного округа, где обвиняемому Г.И.А. запрещено общение в отсутствие следователя в любой форме с потерпевшим по делу Х.А., а также со свидетелями и обвиняемыми У.А., А.Д.Э., кроме защитников и близких родственников. Посредничество должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, не регулируется УПК РФ и Верховным Судом РФ [42].

О факте разъяснении подозреваемому (обвиняемому) права на использование телефонной связи делается соответствующая запись в резолютивной части судебного решения.

Так, в резолютивной части Постановления Верховного Суда Республики Саха (Якутия) при установлении Р. запрета на использование сотовой и городской телефонной связи имеется абзац, посвящённый тому, что Р. разъяснено его право использовать телефонную связь для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб при возникновении чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом и следователями [43].

Если же, суд не сообщит подозреваемому или обвиняемому о том, что у гражданина имеется право на пользование связью в соответствующих случаях, то по логике уголовно-процессуального законодательства, это обстоятельство

будет выступать в качестве случая для отмены или изменения принятого решения об избрании меры пресечения.

Этой логике следовал Воронежский областной суд, установив, что суд первой инстанции, вопреки разъяснениям Верховного Суда РФ и положениям ч. 8 ст. 107 УПК РФ, не перечислил случаи, при которых подозреваемому или обвиняемому разрешается использовать телефонную связь, что послужило основанием для изменения принятого решения: постановление суда первой инстанции дополнено указанием на возможность использования ФИО1 телефонной связи для вызова скорой медицинской помощи, сотрудников правоохранительных органов, аварийно-спасательных служб в случае возникновения чрезвычайной ситуации, а также для общения с контролирующим органом и со следователем [44].

Запрет на отправку и получение почтово-телеграфных отправлений либо на использование средств связи или ограничения в этом осуществляется с целью пресечения или минимизации утечки предметов, документов или сведений, имеющих значение для уголовного дела, превентивного воздействия на поведение подозреваемого (обвиняемого).

В научной литературе отмечается, что «наибольшее количество проблем возникает у сотрудников УИИ при осуществлении контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов и (или) ограничений, установленных судом, в виде общения с определенными лицами; отправки и получения почтово-телеграфных отправлений; использования средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет» [10, с. 133].

Авторами резюмируется отсутствие в УПК РФ «механизма осуществления УИИ (и ФСИН России в целом) функции контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов» [69, с. 90].

В Приказе Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020, посвящённом регламентации контроля за нахождением подозреваемых (обвиняемых) в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом

запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог, также не содержится положений, раскрывающих механизм контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запрета, установленного п. 4 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ [27]. Решению данной проблемы будет уделено отдельное внимание.

При возложении на подозреваемого или обвиняемого запрета использовать сеть «Интернет» суду следует указывать случаи, при которых лицу разрешается использование этой сети (например, для обмена информацией между лицом и учебным заведением – если подозреваемый или обвиняемый является учащимся такого заведения). Анализ эмпирических данных свидетельствует об негативной тенденции использования данного запрета наряду с домашним арестом.

Судами игнорируется требование об смягчении запрета на использование сети «Интернет» для обмена (поддержания) связи с учебным заведением, чем нарушается конституционное право на образование (ст. 43 Конституции РФ).

Так, Воронежский областной суд отказал в смягчении запрета на использование сети «Интернет» для продолжения ФИО1 обучения в высшем учебном заведении, не подкрепив принятое решение фактическими и достаточными обстоятельствами по делу [28]. Приморский краевой суд также отклонил просьбу стороны защиты об смягчении данного запрета: обвиняемый ФИО1 обучается в АНОВО «Московский Международный университет», однако в связи с избранием в отношении его домашнего ареста в качестве меры пресечения он лишился возможности посещать очные занятия в ВУЗе. Его адвокатом была подана апелляционная жалоба с просьбой пересмотреть принятое судом первой инстанции решение, однако жалоба оставлена без удовлетворения. Этим решением суд апелляционной инстанции ограничил в коммуникации обвиняемого ФИО1 с учебным заведением

АНОВО «Московский Международный университет», чем поставил под угрозу успеваемость ФИО1 [29].

Выводы по второй главе исследования.

Домашний арест в качестве меры пресечения избирается в судебном порядке, если имеются достаточные основания полагать, что подозреваемый причастен к совершению преступления небольшой тяжести, если санкция нормы, устанавливающей ответственность за данное преступление, закрепляет наказание в виде лишения свободы. Закон предусматривает следующие легальные обстоятельства применения анализируемой меры пресечения:

Общие основания избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения отражены в ст. 97 УПК РФ и носят вероятностно-обеспечительный характер. Специальной нормой о домашнем аресте закрепляется такое основание избрания данной меры пресечения, как невозможность применения иной, более мягкой, меры пресечения.

Имея общность правового регулирования с заключением под стражу, специальными основаниями для избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения являются совершение подозреваемым или обвиняемым преступления небольшой тяжести, если он не имеет постоянного места жительства на территории РФ; его личность не установлена; им нарушена ранее избранная мера пресечения; он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Для избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения учитываются сведения, индивидуализирующие подозреваемого или обвиняемого (тяжесть совершенного преступления, его возраст, состояние здоровья и др.).

С целью избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения дознаватель, следователь выносят соответствующее ходатайство, адресуемое в судебный орган. По результатам рассмотрения данного ходатайства судья выносит одно из следующих постановлений:

- об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста;
- об отказе в удовлетворении ходатайства.

С учётом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств дела и представленных сторонами сведений при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения суд может установить запреты, предусмотренные пп. 3-5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ:

- общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;
- использовать средства связи и сеть «Интернет».

Общий срок домашнего ареста составляет 2 месяца, допускается его продление в порядке, определённом ст. 108 УПК РФ.

Глава 3 Проблемы применения домашнего ареста в качестве меры пресечения и пути их решения

Современный институт домашнего ареста имеет ряд проблем в правоприменительной и нормативной сферах, требующих своевременного законодотворческого, ведомственного и судебного вмешательства. Рассмотрим их поподробнее и предложим доступные пути решения.

Первой проблемой следует признать неоднородность судебной практики в вопросе идентификации лиц, с которыми подозреваемому или обвиняемому, находящемуся под домашним арестом, запрещается или ограничивается общение.

Сбор эмпирических данных по исследуемой проблематике позволил выявить четыре модели реализации запрета на общение с определенными лицами:

- указание процессуального статуса лиц, с которыми подозреваемому (обвиняемому) не допускается или ограничивается общение (к примеру, Постановление Верховного Суда Республики Крым от 05 августа 2020 г. по делу № 3/3-24/2020);
- исключается распространение данного запрета на защитника (адвоката) и законного представителя подозреваемого или обвиняемого (к примеру, Постановление Верховного Суда Чеченской Республики от 22 марта 2018 г. по делу № 22К-145/2018);
- разрешается указывать лиц, с которыми подозреваемому (обвиняемому) допускается продолжать общение (к примеру, Постановление Пермского краевого суда от 05 июня 2020 г. по делу № 3/3-3/2020);
- вводится третье лицо – должностное лицо, ведущее расследование по данному уголовному делу, – в присутствии которого разрешается подозреваемому или обвиняемому общение с определенными

лицами (к примеру, Постановление суда Ханты-Мансийского автономного округа от 21 августа 2020 г. по делу № 3/2-211/2020).

Четвёртая модель характеризует посредничество с целью смягчения запрета на общение с определенными лицами, хотя данная возможность выходит за рамки регулирования УПК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ.

Кажется, допустимым такой подход, поскольку он не препятствует реализации и осуществлению контроля за выполнением подозреваемым (обвиняемым) данного запрета, но требует внесения соответствующих изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» либо полного отказа путём внесения соответствующих разъяснений.

Большая проблематичность исходит от практики избрания домашнего ареста в качестве меры пресечения с запретом общаться с определенными лицами, где используются абстрактные категории, не предусмотренные УПК РФ:

- «свойственники» - Постановлением Дербентского районного суда Республики Дагестан в отношении ФИО1 избран домашний арест с запретом на общение с «родственниками» и «свойственниками» потерпевших и свидетелей. Эти понятия не позволяют идентифицировать данных лиц, что нарушает ч. 4 ст. 108 УПК РФ. Апелляционная инстанция признала данное обстоятельство в качестве нарушения требований УПК РФ и разъяснений Верховного Суда РФ [30];
- «друзья» и «с любыми лицами» - Постановлением Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики в отношении подозреваемого Б. установлен запрет на общение с любыми лицами, в том числе потерпевшими, свидетелями по настоящему уголовному делу, друзьями, родственниками, за исключением его близких

родственников, круг которых определен законом, защитников по уголовному делу, следователя и контролирующего органа [31]. Использование понятия «друзья», а также «с любыми лицами» ставит под сомнение осуществление контроля за соблюдением данного запрета, т.к. его границы слишком размыты.

Думается, что наиболее оптимальным решением этой проблемы может стать внесение дополнений в п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», касающихся недопустимости использования обобщающих терминов, не предусмотренных УПК РФ.

Вторая проблема состоит в отсутствии должного механизма осуществления контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов и (или) ограничений, налагаемых с домашним арестом с целью усиления превентивного и пресекающего воздействия –общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и сеть «Интернет».

Если первые два запрета без особых сомнений соблюдаются подозреваемым или обвиняемым при нахождении в пределах жилого помещения (лечебного учреждения), то отследить исполнение запрета использовать средства связи и сеть «Интернет» несколько сложнее.

Ни в УПК РФ, ни в Приказе Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 не содержится положений, раскрывающих механизм контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запрета, установленного п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

В уголовно-процессуальной науке предлагается два решения образовавшейся проблеме:

- расширить полномочия контролирующих органов производством проверок (к примеру, истории браузера, телефонных звонков у оператора телефонной связи или провайдера сети «Интернет»);
- внести на рассмотрение Государственной Думы РФ инициативу «интеллектуального блокирования» средств сотовой связи и сети «Интернет». Цель «интеллектуального блокирования» - идентифицировать и избирательно отключать излучения несанкционированных абонентских станций при помощи оперативно-технических средств радиоконтроля. Описание технологии: рядом с объектом наблюдения (жилым помещением или лечебным учреждением) устанавливается комплекс, имитирующий базовые станции сети подвижной радиосвязи, пеленгующий и фиксирующий сведения об источниках радиосигналов (время, абонентский номер, номер IMEI). При известности этих сведений у контролирующего органа появится возможность направлять конкретизированные требования оператору сотовой связи или интернет-провайдеру о блокировке абонентских номеров и прекращении оказания услуг [17, с. 14]. Препятствия введения данной технологии – финансовые затраты на создание и обслуживание комплекса «интеллектуального блокирования».

Третья проблема заключается в нарушении конституционного права подозреваемого (обвиняемого) на получение образования при установлении запрета на пользование сетью «Интернет».

Изложенные в настоящей исследовательской работе материалы судов апелляционной инстанции подтверждают данный довод – суды отказывают в смягчении запрета на пользование сетью «Интернет», скорее всего, опасаясь его применения в противоправных целях, не приводя убедительных оснований для вынесения такого решения (к примеру, Постановление Воронежского областного суда от 16 апреля 2020 г. по делу № 3/14-54/2020 и Постановление Приморского краевого суда от 10 апреля 2019 г. по делу № 22-1722/2019).

Более того, при освоении образовательной программы дистанционными образовательными технологиями введение рассматриваемого запрета неизбежно приведёт к ограничению конституционного права на получение образования. Осложняется данная проблема тем, что установление запрета на пользование сетью «Интернет» неминуемо ограничивает права лиц, проживающих совместно с подозреваемым или обвиняемым, находящимся под домашним арестом:

- Постановлением Советского районного суда г. Липецка от 11 мая 2020 г. в отношении ФИО2 избран домашний арест с запретом на пользование сетью «Интернет». Суд первой инстанции не принял во внимание каким образом избранная мера пресечения и запрет повлияют на условия жизни как самой ФИО2, так и членов её семьи, в частности троих несовершеннолетних детей, находящихся на её иждивении, проходящих дистанционное обучение в школах и выполняющих задания с непосредственным участием своих родителей, которые получают их посредством связи через сеть «Интернет», и таким же образом отправляют результаты своих работ. Ввиду принятого судом первой инстанции решения, несовершеннолетние дети ФИО2 лишились возможности продолжать обучение в своих учебных заведениях. Апелляционная инстанция оставила решение суда первой инстанции без изменений [51];
- при аналогичных условиях вынесен отказ в смягчении запрета на пользование сетью «Интернет» в другом деле, рассмотренном тем же судом [52].

Думается, что решить эту проблему можно путём придания нормативного характера положению абзаца 5 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу,

домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», закрепив его в п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Обновление ст. 105.1 УПК РФ таким положением позволит использовать п. 2 ст. 389.15 УПК РФ при нарушении конституционного права на образование в случаях, когда запрет на пользование сетью «Интернет» будет посягать на успеваемость подозреваемого или обвиняемого или лиц, совместно проживающих с ним, в учебном заведении.

Четвертой проблемой необходимо признать отсутствие надлежащих технических средств контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) домашнего ареста. Согласно сведениям К.И. Голубцова и К.И. Давлетшина по состоянию на 01.01.2021 г. в территориальных органах ФСИН России на учёте находились:

- 6621 электронных браслетов 2010 г. выпуска, из которых 68% в рабочем состоянии (4 579 ед.);
- 18237 модифицированных электронных браслетов 2020 г. выпуска, из которых 73% неисправные (13 435 ед.) [9, с. 124].

Статистические данные говорят о технической не оснащённости контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) домашнего ареста. Об этом также указывает М.В. Воробьев в своей диссертации кандидата юридических наук, выделяя такие недостатки использования электронных браслетов, используемых для контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) домашнего ареста, как:

- необходимость выдерживания оптимального температурного режима (свыше 5 градусов по Цельсию), что осложняет применение электронных браслетов на территориях Крайнего Севера, Сибири и отдельных регионов средней полосы России;
- ограниченная зона уверенного приёма сигнала мобильного контрольного устройства в силу использования сети связи стандарта GSM. Приказом Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 г. в качестве

обязательных рекомендаций по использованию электронного браслета предусматривается необходимость соблюдения радиуса действия электронного браслета. Разрешенный радиус удаления электронного браслета от стационарного контрольного устройства может составлять 50-100 метров, а разрешенный радиус удаления электронного браслета от мобильного контрольного устройства – до 5 метров;

- дискомфорт в повседневном использовании мобильных контрольных устройств;
- несоответствие разъемов для заряда стационарного и мобильного контрольных устройств;
- отсутствие индикатора заряда аккумуляторной батареи электронного браслета [8, с. 108].

Предполагается, что наиболее оптимальным решением данной проблемы в долгосрочной перспективе может стать создание отечественного электронного браслета по образцу современных смарт-часов (к примеру, по примеру брендов «Huawei», «Samsung», «Xiaomi», «Apple»), вошедших в привычку многих граждан, обладающих высокой технической оснащённостью и надёжностью.

Выводы по третьей главе исследования.

Современный институт домашнего ареста имеет ряд проблем, требующих своевременного вмешательства со стороны государственно-властных лиц.

Первая проблема состоит в использовании обобщающих ненормативных понятий («свойственники», «друзья» и «с любыми лицами») при определении лиц, с которыми подозреваемому или обвиняемому запрещается общение, что исключает их идентификацию и, соответственно, контроль за исполнением данного запрета.

Вторая проблема выражается в отсутствии должного механизма осуществления контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым

запретов и (или) ограничений, налагаемых с домашним арестом с целью усиления превентивного и пресекающего воздействия.

Третья проблема заключается в нарушении конституционного права подозреваемого (обвиняемого) на получение образования при установлении запрета на пользование сетью «Интернет».

Четвертой проблемой необходимо считать отсутствие надлежащих технических средств контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) домашнего ареста. Наиболее оптимальным решением данной проблемы в долгосрочной перспективе может стать создание отечественного электронного браслета по образцу современных смарт-часов (к примеру, по примеру брендов «Huawei», «Samsung», «Xiaomi», «Apple»), вошедших в привычку многих граждан, обладающих высокой технической оснащённостью и надёжностью.

Заключение

Настоящее исследование позволяет сделать следующие выводы.

Природа мер уголовно-процессуального принуждения заключается в следующем: если на участников уголовного судопроизводства возлагаются процессуальные обязанности, то требуется предусмотреть меры принуждения, гарантирующие их надлежащее исполнение в превентивном либо пресекательном порядке. УПК РФ посвящает мерам уголовно-процессуального принуждения раздел IV, именуемый «Меры процессуального принуждения», содержащий три самостоятельные главы (гл. 12 «Задержание подозреваемого», гл. 13 «Меры пресечения», гл. 14 «Иные меры процессуального принуждения»).

Первой мерой уголовно-процессуального принуждения на Руси XIII-XIV вв. являлось поручительство со стороны общины и авторитетных людей. Судебники 1497-1555 гг. также использовали поручительство в качестве меры принуждения. Соборным уложением 1649 г. вводится тюремное заключение, Петром I – «отдача за пристава», Сводом законов 1832 г. – содержание в тюрьме и полиции, домашний арест, полицейский надзор и отдача на поруки. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. имело множество изъятий, повлекших необоснованно частое избрание в качестве меры пресечения заключение под стражу.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. предусмотрел семь мер превентивного и пресекательного характера – подписка о невыезде и надлежащем поведении, отдача под особый надзор полиции, отдача на поруки, взятие залога, домашний арест и взятие под стражу, привод. В УПК РСФСР 1922 г. закреплялись такие меры, как привод, подписка о невыезде, поручительство личное и имущественное, залог, домашний арест и заключение под стражу. УПК РСФСР 1923 г. сохранил без изменений подход предшествующего закона. УПК РСФСР 1960 г. упразднил институт домашнего ареста, установив три меры превентивного воздействия – отдача

несовершеннолетнего под присмотр, поручительство общественного объединения и наблюдение командования воинской части.

В настоящее время действует УПК РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ, посвятивший мерам уголовно-процессуального принуждения самостоятельный раздел. Меры пресечения - это меры превентивного и пресекающего характера, избираемые в отношении подозреваемого (обвиняемого) с целью нейтрализации его противоправного поведения и негативного воздействия на ход и результаты уголовного судопроизводства.

Систему мер пресечения по УПК РФ составляют: подписка о невыезде; личное поручительство; наблюдение командования воинской части; присмотр за несовершеннолетним обвиняемым; запрет определенных действий; залог; домашний арест; заключение под стражу.

Особенностями мер пресечения, отличающими их от иных мер уголовно-процессуального принуждения, являются специальный субъектный состав, неизменное ограничение конституционных прав и свобод человека, применение как в общих, так и специальных случаях.

Современный институт домашнего ареста имеет ряд проблем, требующих своевременного вмешательства со стороны государственно-властных лиц.

Первая проблема состоит в использовании обобщающих ненормативных понятий («свойственники», «друзья» и «с любыми лицами») при определении лиц, с которыми подозреваемому или обвиняемому запрещается общение, что исключает их идентификацию и, соответственно, контроль за исполнением данного запрета.

Думается, что наиболее оптимальным решением этой проблемы может стать внесение дополнений в п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», касающихся недопустимости использования обобщающих терминов, не предусмотренных УПК РФ.

Вторая проблема выражается в отсутствии должного механизма осуществления контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запретов и (или) ограничений, налагаемых с домашним арестом с целью усиления превентивного и пресекающего воздействия. Ни в УПК РФ, ни в Приказе Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 не содержится положений, раскрывающих механизм контроля за соблюдением подозреваемым или обвиняемым запрета, установленного п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

В уголовно-процессуальной науке предлагается два решения образовавшейся проблеме:

Во-первых, расширить полномочия контролирующих органов производством проверок (к примеру, истории браузера, телефонных звонков у оператора телефонной связи или провайдера сети «Интернет»);

Во-вторых, внести на рассмотрение Государственной Думы РФ инициативу «интеллектуального блокирования» средств сотовой связи и сети «Интернет».

Цель «интеллектуального блокирования» - идентифицировать и избирательно отключать излучения несанкционированных абонентских станций при помощи оперативно-технических средств радиоконтроля. Описание технологии: рядом с объектом наблюдения (жилым помещением или лечебным учреждением) устанавливается комплекс, имитирующий базовые станции сети подвижной радиосвязи, пеленгующий и фиксирующий сведения об источниках радиосигналов (время, абонентский номер, номер IMEI).

При известности этих сведений у контролирующего органа появится возможность направлять конкретизированные требования оператору сотовой связи или интернет-провайдеру о блокировке абонентских номеров и прекращении оказания услуг [17, с. 14]. Препятствия введения данной технологии – финансовые затраты на создание и обслуживание комплекса «интеллектуального блокирования».

Третья проблема заключается в нарушении конституционного права подозреваемого (обвиняемого) на получение образования при установлении запрета на пользование сетью «Интернет».

Думается, что решить эту проблему можно путём придания нормативного характера положению абзаца 5 п. 40 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», закрепив его в п. 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Обновление ст. 105.1 УПК РФ таким положением позволит использовать п. 2 ст. 389.15 УПК РФ при нарушении конституционного права на образование в случаях, когда запрет на пользование сетью «Интернет» будет посягать на успеваемость подозреваемого или обвиняемого или лиц, совместно проживающих с ним, в учебном заведении.

Четвертой проблемой необходимо считать отсутствие надлежащих технических средств контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) домашнего ареста.

Предполагается, что наиболее оптимальным решением данной проблемы в долгосрочной перспективе может стать создание отечественного электронного браслета по образу современных смарт-часов (к примеру, по примеру брендов «Huawei», «Samsung», «Xiaomi», «Apple»), вошедших в привычку многих граждан, обладающих высокой технической оснащённостью и надёжностью.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / пер. с древне-греч.; общ. ред. А.И. Доватура. - М. : Мысль, 1984. 293 с.
2. Азаров В.А. Отзыв официального оппонента о диссертации С.И. Вершининой «Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования», представленной на соискание учёной степени доктора юридических наук и защищённой на заседании диссовета при ФГАОУ во «Самарский национальный исследовательский университет имени С.П. Королёва» 30 марта 2018 г. (специальность 12.00.09 «Уголовный процесс») // Вестник Омского университета. Серия «Право». № 4 (57). 2018. С. 175-182.
3. Барабаш А.С. Цели и основания избрания меры пресечения в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 184-190.
4. Вершинина С.И. О юридической природе, понятии и системе уголовно-процессуального принуждения // Журнал российского права. №. 5 (233). 2016. С. 90-98.
5. Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Вершинина С.И. – Тольятти, 2017. 452 с.
6. Вологина Е.В. Меры уголовно-процессуального принуждения и особенности их применения // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. 2020. № 1 (21). С. 38-42.
7. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. М. Уфа, 2003. 136 с.
8. Воробьев М.В. Организация и правовые основы деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказания в виде

ограничения свободы с использованием средств электронного мониторинга: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 204 с.

9. Голубцова К.И., Давлетшина К.И. Проблемные вопросы эксплуатации систем электронного мониторинга подучетных лиц в федеральной службе исполнения наказаний и перспективные направления их решения // Вестник Самарского юридического института. № 5 (46). 2021. С. 122-127.

10. Ермасов Е.В., Бурмакин Г.А., Габараев А.Ш. Вопросы совершенствования и практика реализации меры пресечения в виде домашнего ареста в деятельности уголовно-исполнительных инспекций ФСИН России // Уголовное право. 2016. № 1. С. 130-137.

11. Замараева А.С. Меры уголовно-процессуального принуждения в России (XIII–XIX века) // Молодой ученый. 2022. № 6 (401). С. 168-170.

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. № 144. 04.07.2020.

13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 17.02.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // Собрание законодательства РФ. № 1 (часть 1). 07.01.2002. Ст. 1.

14. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. М., Саратов, 1978. 136 с.

15. Кистяковский А.Ф. О пресечении обвиняемому способов уклоняться от следствия и суда. СПб., 1868. 196 с.

16. Кругликов А.П. Уголовный процесс. М. : Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2015. 688 с.

17. Колотушкин С.М. Технологии фоноскопии в противодействии незаконному использованию средств мобильной связи на территории

учреждений УИС // Петербургские Пенитенциарные конференции: материалы конференций. В 4 т. Санкт-Петербург, 2021. С. 12-16.

18. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. / С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт., 2000. 1534 с.

19. Мещерякова Ю.О., Тахаутдинова А.Р., Мычак Т.В. К вопросу о системе мер пресечения в российском уголовном процессе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2022. № 1. С. 21-27.

20. Медяникова Л.С. Юридическая ответственность как мера государственного принуждения // Аллея науки. 2020. Т. 1. № 3 (42). С. 659-663.

21. Мишкин В.А. Условия применения мер процессуального принуждения // Студенческий форум. 2021. № 2-4 (138). С. 50-51.

22. Орлов А.В. Система мер пресечения в России: история становления и перспективы развития // Вестник Самарского юридического института. №. 1 (32). 2019. С. 85-89.

23. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. - 4-е изд., перераб. и доп. М., 1997. 980 с.

24. Определение Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2003 г. № 511-О // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.)

25. Определение Верховного Суда РФ от 19 января 2004 г. № 88-о03-55 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.)

26. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М., 1985. 236 с.

27. Приказ Минюста России № 189, МВД России № 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или

обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.09.2020 № 59635) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 04.09.2020.

28. Постановление Воронежского областного суда от 16 апреля 2020 г. по делу № 3/14-54/2020 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

29. Постановление Приморского краевого суда от 10 апреля 2019 г. по делу № 22-1722/2019 // [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

30. Постановление Верховного Суда Республики Дагестан от 09 декабря 2019 г. по делу № 22К-2521/2019 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

31. Постановление Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 25 августа 2020 г. по делу № 3/1-127/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

32. Постановление ЕСПЧ от 08.02.2005 «Дело «Панченко (Pančenko) против Российской Федерации» (жалоба № 45100/98) // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

33. Постановление Европейского Суда по делу «Клоот против Бельгии» (Clooth v. Belgium) от 12 декабря 1991 г. Series A. № 225 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

34. Постановление Приморского краевого суда от 21 мая 2020 г. по делу № 3/2-60/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

35. Постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 7 февраля 2020 г. по делу № 3/1-20/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

36. Постановление Магаданского областного суда от 25 ноября 2019 г. по делу № 3/1-232/2019 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

37. Постановление Магаданского областного суда от 13 августа 2020 г. по делу № 3/12-8/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

38. Постановление Пермского краевого суда от 07 августа 2020 г. по делу № 3/1-7/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

39. Постановление Верховного Суда Республики Крым от 5 августа 2020 г. по делу № 3/3-24/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

40. Постановление Верховного Суда Чеченской Республики от 22 марта 2018 г. по делу № 22К-145/2018 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

41. Постановление Пермского краевого суда от 05 июня 2020 г. по делу № 3/3-3/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

42. Постановление суда Ханты-Мансийского автономного округа от 21 августа 2020 г. по делу № 3/2-211/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

43. Постановление Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 30 августа 2019 г. по делу № 22К-1606/2019 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

44. Постановление Воронежского областного суда от 23 марта 2018 г. по делу № 22К-652/2018 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

45. Постановление Калужского областного суда от 28 декабря 2020 г. по делу № 3/4-1-8/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

46. Постановление Томского областного суда от 24 декабря 2020 г. по делу № 1-59/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

47. Постановление Ярославского областного суда от 03 марта 2022 г. по делу № 3/2-15/2022 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

48. Приговор Ярославского областного суда от 25 мая 2022 г. по делу № 2-9/2022 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

49. Постановление Калужского областного суда от 27 ноября 2020 г. по делу № 3/1-52/2019 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

50. Постановление Приморского краевого суда от 02 апреля 2020 г. по делу № 3/2-11/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

51. Постановление Липецкого областного суда от 21 мая 2020 г. по делу № 3/4-11/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

52. Постановление Липецкого областного суда от 17 июля 2020 г. по делу № 3/4-15/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

53. Постановление Псковского областного суда от 17 сентября 2020 г. по делу № 3/1-9/2020 // [Электронный ресурс] URL: <https://sudact.ru/> (Дата обращения: 02.03.2023 г.).

54. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. 1922. № 20-21. Ст. 230.

55. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах

пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 2.

56. Переславцева Е.Г. Цели, основания, условия и порядок применения мер пресечения в России // Молодой ученый. 2020. № 48 (338). С. 311-313.

57. Советов А.М. Понятие и место домашнего ареста в российской системе мер пресечения // Вестник магистратуры. №. 10-2 (97). 2019. С. 83-84.

58. Саблин Д.А. Права человека: учеб. пособие. Оренбург. 2004. 166 с.

59. Свод законов Российской империи. Т. XV. СПб. 1892. 345 с.

60. Смирнов В.В. Арест как мера пресечения, применяемая следователем органов внутренних дел: учеб. пособие. Хабаровск : Изд-во Хабар. ВШ МВД СССР. 1987. 96 с.

61. Салтыков Е.В. Домашний арест в российском уголовном процессе. – М. : Изд-во Юрлитинформ., 2009. 252 с.

62. Светочев В.А. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. – Калининград, 2009. 26 с.

63. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. № 25. 17.06.1996. Ст. 2954.

64. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // Собрание законодательства РФ. № 52. 24.12.2001. Ст. 4921.

65. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.07.2002) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2964.

66. Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (Часть I). Ст. 4924.

67. Федоров И.З. Эволюция института государственного принуждения в уголовном судопроизводстве России // Вестник российского университета кооперации. 2015. № 1 (19). С. 115-122.

68. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. 208 с.

69. Яковлева С.А. Кутянина А.С. Проблемы соотношения запрета определенных действий с другими мерами уголовно-процессуального пресечения // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. №. 1 (17). С. 87-96.